

УДК 82.091

Устами женщины: перекличка идей в монографии Р. Перну «Элоиза и Абеляр» и романе Ж. Бурен «Премудрая Элоиза»

Арибжанова Дина Зинюровна

Преподаватель,
кафедра английского языка,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, МГУ, 1-52;
e-mail: elsinore@yandex.ru

Аннотация

В статье на материале монографии Р. Перну «Элоиза и Абеляр» и романа Ж. Бурен «Премудрая Элоиза» рассматриваются ключевые тенденции в интерпретации авторами-женщинами личностей Пьера Абеляра и Элоизы. Традиционно фигура Элоизы рассматривается лишь как часть биографии Абеляра. Нередко авторами-мужчинами отрицается факт взаимного влияния этих исторических фигур, а Элоиза видится исключительно пассивным объектом воздействия. Отсюда незначительный интерес к мотивации ее поступков, последовательному восстановлению психологического портрета. Отчасти это объясняется «черной легендой» Средневековья, отрицающей сколько-нибудь значительное участие женщин в общественной и культурной жизни эпохи. Анализ идей, представленных в анализируемых научном (Р. Перну) и художественном (Ж. Бурен) текстах, позволяет выявить тенденцию к демифологизации личностей Элоизы и Абеляра через попытки реконструировать их с помощью элементов самоанализа и исторической антропологии. В этом процессе культурная среда становится определяющим фактором в формировании характеров и нравственных ориентиров. Здесь устанавливается ведущая роль Элоизы в последовательном развитии их с Абеляром личных отношений и преображении плотской страсти в духовную.

Для цитирования в научных исследованиях

Арибжанова Д.З. Устами женщины: перекличка идей в монографии Р. Перну «Элоиза и Абеляр» и романе Ж. Бурен «Премудрая Элоиза» // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 1А. С. 329-339.

Ключевые слова

Элоиза, Абеляр, личность, реконструкция, демифологизация, культурная среда, общество, самоанализ.

Введение

В ряду средневековых философов особое место занимает фигура Пьера Абеляра, единственного богослова, чье имя неразрывно связывается с драматической историей любви к женщине. Эта связь настолько тесна, что в культурном контексте Абеляр и его возлюбленная Элоиза нередко воспринимаются как единое целое, органически продолжая цепочку «парных» поэтических образов – Тристан и Изольда, Ромео и Джульетта, Паоло и Франческа... Схоластические идеи Абеляра сегодня остаются предметом узкоспециальных научных исследований, тогда как его любовные переживания все еще способны пробуждать интерес и сочувствие у современного человека, отдаленного от легендарных влюбленных восьмью веками.

Несмотря на то, что история Абеляра и Элоизы – богатый материал для феминистических исследований, сегодня существует едва ли не единственная книга об этих героях, написанная женщиной. Это историческая монография «Элоиза и Абеляр» (1970) французки Режин Перну. «Элоиза привела Абеляра туда, куда он сам никогда бы не пришел, потому что был на это неспособен; и последовательные шаги по преодолению себя, которые принуждала его делать преображенная любовь, завершили его окончательным преображением», – утверждает автор [Перну, 2005, 239].

«Теперь оставим Элоизу»: женщина исчезает

Именно у Р. Перну впервые находим попытку всестороннего анализа личности Элоизы, тогда как у авторов-мужчин основное внимание обычно и преимущественно концентрируется на Абеляре. Приведем несколько характерных примеров.

Так, история Абеляра и Элоизы занимает значительное место в монографии Жака Ле Гоффа «Интеллектуалы в Средние века» (1957). Ученый хотя и отмечает незаурядность девушки, ограничивается лишь констатацией этого факта, а в дальнейшем формируется впечатление, что личность Элоизы не самоценна, ее значение возникает только в контексте деятельности Абеляра: «Элоиза – это еще одно завоевание, приложение к завоеваниям разума. Да и само это приключение возникло больше из головы, чем по зову плоти» [Ле Гофф, 2003, 33]. В дальнейшем Ле Гофф полагает влияние Элоизы на жизнь Абеляра исчерпанным после инцидента с кастрацией: «Теперь оставим Элоизу, она более не послужит нашим целям. Известно, что до самой смерти продолжалось общение двух любящих душ – в письмах из одного монастыря в другой» [Там же, 36]. Не вполне понятно, почему автор не признает важности этого общения, соглашаясь с тем, что духовная связь между Абеляром и Элоизой все же осталась.

В «Средневековом мышлении» французского философа и медиевиста Алена де Либера (1996) также рассматривается феномен средневекового интеллектуала. Проводя

аналогии с образом жизни античной гетеры, исследователь делает вывод, что главным стремлением Элоизы была жизнь в свободном интеллектуальном содружестве, не предполагающем общего быта и, возможно, даже физического контакта: «Из сказанного Элоизой мы можем сделать вывод, что она отдавала предпочтение словам „подруга“ и «сожительница», пренебрегая словом «супруга». Смысл такой необычной девальвации брака представляется нам сейчас яснее: возлюбленная Абеляра желает быть гетерой, иными словами, жить в интеллектуальной дружбе. Как раз это и реализует университет, – но только между мужчинами, – век спустя. То же, что дружба Элоизы может сделать из нее обыкновенную «любовницу», *scortum* (средневековое название куртизанок – «кожа»), ничего не меняет в структуре установившихся отношений: отношение обмена, свободного и паритетного общения запрещено супруге, которой обладают как благом. Студенческое товарищество – это мечта Элоизы, продолженная в идее «полного воздержания», но это еще – даже, прежде всего, – и продолжение греческого идеала» [Де Либера, 2004, 202-203].

В монографии Робера Фоссье «Люди средневековья» (2007) дихотомия Абеляр/Элоиза вообще становится вторичной, а на первый план выдвигается Абеляр/святой Бернар. В связи с этим интересны оценочные характеристики женщин, данные исследователем тем, кто все же тем или иным образом оставил свой след в литературном дискурсе эпохи. Это «ученый «синий чулок», «придворные дамы, мстительные и слезливые» и, наконец, «любовницы», к которым Фоссье относит Элоизу и Марию Французскую [Фоссье, 2010, 80]. Как можно догадываться, этим словом автор, как и А. де Либера, объединяет женщин образованных, интеллектуально независимых, выходящих за рамки навязанных обществом социальных ролей матери семейства или монахини. Исследователь не только не заостряет внимание на личности Элоизы, но и отрицает ее авторство в переписке, соглашаясь с тезисом о «мужском поле» эпохи, хотя признает, что мнение о полном бесправии женщины – часть «черной легенды» Средневековья [Там же, 80].

Научная реконструкция личностей Элоизы и Абеляра

Как и многие другие исследователи, Р. Перну приходит к выводу, что Абеляр «был превосходным прототипом университетского преподавателя» [Перну, 2005, 56]. Вместе с тем это не столько комплиментарное, сколько критическое высказывание – в тексте постоянно встречаются негативно окрашенные оценки личностных качеств Абеляра. На страницах книги он предстает малоприятным, эмоционально незрелым человеком, который обладает могучим интеллектом, но не способен к анализу чужих переживаний.

Основной движущей силой в жизни Абеляра, по Р. Перну, была жажда славы, а его природные задатки позволяли достичь известности именно на интеллектуальном поприще. Немаловажно, что решение посвятить себя науке встретило одобрение и понимание в семье

Абеляра, он вовсе не стал изгоем, отказавшись от своего права первородства (показательно и то, что о своих победах ученый муж повествует в военных терминах).

Можно считать уникальным тот факт, что Р. Перну обращает внимание на национальную принадлежность Абеляра: «Бретонец не вправе уклониться от данных обещаний, а ведь Абеляр – бретонец» [Перну, 2005, 40], хотя автор и не пытается развить эту мысль. Замечание исследовательницы тем более интересно, что в «Истории мох бедствий» сам Абеляр с ужасом и отвращением вспоминает о своей жизни в бретонском монастыре Сен-Жильдас-де-Рюи¹, куда отправила его «ненависть французов» [Августин Аврелий, Абеляр, 1992, 286]. Очевидно, подобная дефиниция должна указывать на то, что сам Абеляр себя таковым не считал. Этот специфический фактор самоидентификации тем не менее также не находит глубинного анализа у кого-либо из исследователей биографии Абеляра.

Уникальность Элоизы, по мнению исследовательницы, заключалась не столько в учености и жажде познаний, сколько в том, что она желала вести активную интеллектуальную жизнь, не удаляясь от мира, поскольку монахини, посвятившие себя изучению грамматики и богословия, не казались обществу чем-то примечательным [Перну, 2005, 50].

Следует заметить, что Р. Перну значительное место уделяет подробному разбору средневекового представления о любви, нераздельно связанного с христианскими религиозными убеждениями. Поскольку Бог есть любовь, человек вовлекается в «цикл триединства», то есть в идеале находит в себе самом образ Божий [Перну, 2005, 104]. Чувство Абеляра к Элоизе прежде чем от физического влечения вырасти до возвышенной любви, агапэ, проходит несколько стадий. В то время как чувство Элоизы к Абеляру изначально совершенно, что иллюстрируют все поступки женщины по отношению к ее возлюбленному [Перну, 2005, 64-65]. Исследовательница подчеркивает, что «на протяжении всей своей жизни он <Абеляр> одновременно будет возбуждать противоположные чувства: восторг и негодование. Разумеется, именно таким неудобным людям, именно таким «возмутителям спокойствия» человечество и обязано своими самыми значительными и неоспоримыми успехами. Но замечательные качества и дарования Абеляра несколько «подпорчены» непомерной его самоуверенностью» [Перну, 2005, 24].

Примечательна параллель, которую Р. Перну проводит между Элоизой и Симоной де Бовуар, спутницей жизни выдающегося философа Жана-Поля Сартра: обе женщины отказались от брака с любимым человеком, чтобы обеспечить ему интеллектуальную свободу. При этом популярный тезис об Элоизе, опередившей свое время, подвергается критике: она, как и Абеляр, принадлежала своей эпохе. Проблема восприятия заключается в ошибочной интерпретации социальных норм феодального общества, поскольку «Элоиза жила до того, как расцвела буржуазная культура со свойственным этой культуре образом мышления» [Перну, 2005, 66].

1 «Область та действительно была варварской, языка ее жителей я не знал, постыдная и необузданная жизнь монахов в упомянутом монастыре была почти всем хорошо известна, а живущий в этой области народ, был диким и неукротимым» [Августин Аврелий, Абеляр, 1992, 286].

Очень интересно упоминание Абельяра и Элоизы как «несравненных любовников, при жизни шагнувших в историю литературы, чтобы занять свое место рядом с такими героями, как Пирам и Фисба, Ромео и Джульетта, Тристан и Изольда» [Перну, 2005, 61]. Тот факт, что реальные лица, вне зависимости от личных судеб, включаются в один ряд с литературными персонажами, фиксирует уже сложившееся восприятие Абельяра и Элоизы как образов-символов.

Художественная реконструкция личностей Элоизы и Абельяра

В контексте мифологизации образов Абельяра и Элоизы, а также гендерного аспекта исследований Средневековья интересно творчество популярной французской писательницы Жанну Бурен (1922–2003), перу которой принадлежит ряд исторических романов, где центральная роль отводится именно женским персонажам. В своих произведениях писательница была склонна к идеализации средневекового мира, что вызвало критику Робера Фоссье в ее адрес и, наоборот, поддержку со стороны Режин Перну. Внимание историков к творчеству Ж. Бурен представляет для нас интерес в связи с тем, что писательница одно из своих произведений посвятила непосредственно истории Абельяра и Элоизы («Премудрая Элоиза», 1966).

Текст романа предваряется тремя эпиграфами:

«Любовь? Изобретение XII века!» (Шарль Сеньобос),

«Где же премудрая Элоиза, из-за которой стал кастратом и монахом Пьер Абельяр из Сен Дени?» (Франсуа Вийон),

«Говорят, что незадолго до своей кончины Элоиза отдала необходимые распоряжения, чтобы быть погребенной вместе с Абельяром. Когда же вскрыли его могилу и положили ее рядом с ним, он распростер объятия ей навстречу и крепко прижал ее к себе. Рассказанная история прекрасна, но легенда легендой, а мы охотней допустили бы, что именно Элоиза, соединясь в могиле со своим другом, заключила его в объятия» (Этьен Жильсон) [Бурен, 2004, 3].

Эпиграфы представляют собой триединство, которое при переключке с предваряемым текстом дают основание полагать, что в интерпретации Ж. Бурен ведущая роль в отношениях между философом и его возлюбленной будет принадлежать именно Элоизе. Фактически эпиграфы являются смысловыми ключами к каждому из периодов жизни главной героини: в юности она «изобретает» любовь к Абельяру, в среднем возрасте «теряет» себя как необычную, исключительную личность среди монастырской повседневности и, наконец, на закате жизни обретает четкое понимание подлинной сущности своих переживаний. Повествование имеет ретроспективный характер: персонажи собираются у ложа умирающей аббатисы для прощания с ней, однако основная часть текста написана от первого лица и представляет собой попытку самоанализа героини перед лицом вечности.

Проблематика романа исчерпывающе выражена в размышлениях одной из героинь, госпожи Геньевры, наблюдающей за агонией аббатисы Параклета: «О чем думает теперь Элоиза, прибли-

жаясь к концу своих дней? <...> Скрывает эта маска тревогу предающейся Богу души или бури так и не успокоившегося сердца? Мудрая аббатиса, восхваляемая всеми и каждым, – видимость она или реальность? Что осталось под этим полотняным убором от безумного приключения, от сладострастных воспоминаний? Отреклась ли она от своей веры в Абеяра? Подчинилась ли наконец воле Господа?» [Бурен, 2004, 58]. Буквально с первых страниц Элоиза признается в том, что не совершала никакого духовного подвига во имя Божье, и далее подробно анализирует мотивы, которые подвигли ее в конечном итоге принять монашеские обеты и чтить их.

Ж. Бурен возраст Элоизы к началу ее романа с Абеяром определяет традиционно – шестнадцать лет. Возвращаясь мыслями в пору юности, героиня подчеркивает, что была совершенно не подготовлена к мирской жизни, четко разграничивая свою широкую эрудицию и житейскую мудрость подруг: «Так, возвращенная в неведение, исполненная самоуверенности и книжных мыслей, с горячей головой и холодным сердцем, я вступала на берега своей молодости» [Бурен, 2004, 10].

Интеллектуальное развитие девушки значительно опережает ее эмоциональное взросление, несмотря на свои познания, она достаточно инфантильна и исполнена веры в свою особенность, которой опрометчиво потакает Фульбер. Характерно, например, нежелание юной героини вникать в тонкости денежных отношений: «...лавочки закрывались, и я, усталая, возвращалась домой без единого гроша в кошельке. Что мне было до того? Чтобы получить еще, мне довольно было попросить» [Бурен, 2004, 13]. Элоиза полагает себя созданной для «абсолютной любви», тем самым утверждая свою самодостаточность и самооценку независимо от предмета или степени взаимности: «Сама того не ведая, я ждала тебя. Для тебя, которого еще не знала, я сберегала нежность и благоговение, чтобы принести их тебе в безраздельный дар, когда придет час. И час близился...» [Бурен, 2004, 10]. Вместе с тем это чувство, ожидающее точки приложения, в значительной мере рассудочно. Вполне ожидаемо образованная девушка могла бы посвятить весь свой душевный пыл Абсолюту, став монахиней, но она заочно влюбляется в мужчину, который выделяется отнюдь не христианской добродетельностью, а опасным, свободолобивым разумом.

Символичны обстоятельства первой встречи Абеяра и Элоизы: девушка в легком одеянии возвращается из купален, по пути рассматривает идущего с учениками философа, как вдруг на Элоизу налетает стадо свиней, она роняет венок, который ей подает один из школяров, и тогда Абеяр впервые обращает на нее свой взор: «...одним взглядом ты взвесил, определил и оценил меня» [Бурен, 2004, 18]. Помимо очевидного прочтения оппозиции чистота/грязь, победа/поражение (венки/свиньи), условного – падение через чувства / возрождение через разум (венки возвращает школяр), можно усмотреть еще и отсылку к библейскому тексту о пире Вальтасара, воплощения поверженной гордыни: «И вот что начертано: мене, мене, текел, упарсин. Вот и значение слов: мене – исчислил Бог царство твое и положил конец ему; текел – ты взвешен на весах и найден очень легким; перес – разделено царство твое и дано Мидянам и Персам» (Дан. 5:26-28).

Тем не менее, автор использует совсем другой религиозный образ, чтобы передать возвышенные эмоции Элоизы: «Твой образ, подобно лику Христову на плате святой Вероники, запечатлелся в моем сердце навсегда» [Бурен, 2004, 18]. Согласно легенде, святая Вероника была благочестивой женщиной, которая подала Христу на пути к Голгофе свой платок, чтобы утереть лицо, после чего на ткани чудесным образом отпечатался лик Иисуса. Эта аллюзия многое говорит о той роли хранительницы и защитницы, которая отводится Элоизе в биографии Абеляра.

Рассуждая о природе чувств, соединяющих ее с возлюбленным, Элоиза ставит знак равенства между «я» и «мы»: «Плотское искушение, каковым я была для тебя поначалу, превратилось в не знавшую равных страсть, и единый огонь охватил нас обоих. С тех пор он никогда не затухал в глубине моего сердца, и питала его вся моя жизнь» [Бурен, 2004, 23]. Внешне роль инициатора отношений традиционно остается за мужчиной, однако на деле героиня в равной мере стремится отдаться страсти, причем порой Абеляр даже кажется обезличенным, зависимым объектом ее устремлений. Характерны высказывания героини: «...я сдалась на твою милость раньше, чем ты начал осаду» [Бурен, 2004, 20], «я уже решила полностью отдаться на твою волю» [Там же, 22] и т. п., которые заставляют сомневаться в том, что возлюбленный каким-либо образом мог повлиять на ее поступки. Более того, Элоиза позволяет себе даже к Господу обращаться императивно: «Господи! Надо, чтобы ты простил нам эти крайности обожания, знаки нашей любви. Так надо, Господи!» [Бурен, 2004, 50]. Наблюдая за агонией аббатисы, одна из присутствующих мысленно замечает, что Элоиза не пытается бороться за жизнь – и впервые Божья воля совпадает с ее собственной [Там же, 54]. Если Элоиза и подчиняется Абеляру, то исключительно собственным волевым решением. Она жаждет не только слияния душ и тел, но двух интеллектов: «На моих мыслях навсегда остался отпечаток твоих суждений» [Бурен, 2004, 28] – это почти так же драгоценно, с ее точки зрения, как признания в любви, и намного ценнее, чем плод плотской связи, Пьер-Астралаб.

Подлинным семенем, призванным дать плоды в вечности, Элоиза считает их с Абеляром историю, сын же большую часть жизни не был ей интересен вовсе. Известие о беременности она поначалу воспринимает с большой радостью («Я носила в себе и должна была произвести на свет существо, рожденное от тебя и от меня, в ком навеки соединятся наши сущности!» [Бурен, 2004, 58]), но, по сути, имеет довольно смутное представление о материнстве, ограниченное преимущественно образом Богородицы, с которой молодая женщина себя и сравнивает [Там же, 62]. Она по-прежнему далека от житейских реалий, хотя и не отдает себе в этом отчета, в ее теле происходят изменения, которые ее мощный интеллект контролировать не в силах, и радость сменяется ощущением пустоты, которую может заполнить только любовь к Абеляру: «Именно тогда я поняла, насколько женщина пересиливала во мне мать. Инстинктивно я поняла, что так будет всегда» [Там же, 77]. Вместе с тем Элоиза именно на этом этапе начинает задумываться о неприспособленности, неприкаянности самого Абеляра и фактически переносит на него материнское чувство: «...тебе до такой степени не доставало практического ума, что я считала тебя беззащитным перед реальностью, как малое дитя» [Там же, 85].

Роды становятся для нее шоком, Премудрая Элоиза мучается от болей, как любая другая женщина, независимо от ее интеллекта и социального положения («Мой раздираемый, отверстый, исполненный страдания живот приводил меня в ужас» [Бурен, 2004, 86]), однако она старается сдерживать крики, тем самым не желая окончательно становиться обычной, уравниваться с теми, кто не живет нуждами разума («То была глупая гордыня. Охотно признаю это» [Там же, 86]).

Элоиза перед смертью горько раскаивается в пренебрежении родительским долгом, называя себя равнодушной матерью: «Я не сумела любить это дитя, как он того заслуживал, как он имел на то право. Поглощенная другой любовью, я отвернулась от него и лишила своей нежности. <...> Пьер-Астралаб, вы простите меня? <...> Чувствуете ли вы способным простить мне мое безразличие и недостаток любви?» [Бурен, 2004, 207-208].

Интересно, что, несмотря на всю свою рассудочность, высшую меру восторга герояinja описывает именно как потерю разума, например, «самые безумные мгновения нашего исступления» [Бурен, 2004, 30], «сплавить два наших разума воедино, бросив мой в огонь своего» [Там же, 28] и т. п.

Читатель может лишь догадываться о точке зрения Абеяра, но не исключено, что его последующее отвращение к воспоминаниям о романе с Элоизой вызвано именно этим помутнением рассудка, неприемлемого для философа. Устами госпожи Генъевры, дочери Альберика из Реймса, оппонента Абеяра, автор дает магистру Пьеру следующую характеристику: «Отец и друзья отца описывали его как чудовище гордыни, эгоиста, заботившегося лишь о собственном удовольствии и славе. Но старые женщины, что когда-то знали его, к нему снисходительны» [Бурен, 2004, 55]. Интересно отметить, что Ж. Бурен обращает внимание читателей на существование определенной поведенческой модели в семье Абеяра: его собственные родители одновременно удалились в монастырь, посвятив себя служению Богу; сам Абеяр и его Элоиза тоже приняли постриг, наконец, их сын Пьер-Астралаб становится священником, однако чувствует духовную связь со своей кузиной, в монашестве матерью Агнессой: «Они помолчали. Оба выбрали служение Богу. Ни один не жалел об этом. Однако следует остерегаться коварных ловушек воспоминаний. Определенного рода тоска может быть помехой здоровью верующей души» [Бурен, 2004, 90].

Элоиза упорно любит Абеяра, даже когда он отвергает ее, даже когда он умирает – ее чувства достаточно сильны, чтобы годами подпитывать сами себя, без взаимности. Стремление к полному единению, интеллектуальному, эмоциональному и физическому вначале их связи Элоиза приписывает и самому Абеяру. Оно очищает их близость, придает ей почти сакральный смысл: «...мы не опустились до уровня животных, но поднялись к радостям выше нашего удела» [Бурен, 2004, 31].

Как узнаёт читатель, никогда прежде в течение жизни Элоиза не пыталась с такой тщательностью проанализировать свои поступки, их мотивы и последствия. Характерно, что монастырские исповеди она называет «унизительными» [Бурен, 2004, 26], проводя грань между церковным таинством и непосредственным внутренним диалогом с Господом. При этом свои прегрешения, связанные с Абеяром, она «искупила, но не отреклась от них» [Там же, 30].

Ретроспективная структура романа позволяет автору развернуть перед читателем самоанализ, исповедь и покаяние Элоизы, тогда как вопрос ее прощения выносится за скобки. Героиня примиряется с сыном Астролябием, с уже усопшим Абеяром, наконец, с самой собой, и обращается за отпущением грехов к Господу.

Заключение

Таким образом, в монографии Режи́н Перну «Элоиза и Абея́р» ключевой является идея диалектики человеческой пары, состоящей из мужчины и женщины, а художественная трактовка Жанны Бурен ярко иллюстрирует тезис о ведущей роли Элоизы в развитии их с Абеяром отношений и преображении плотской страсти в духовную.

Библиография

1. Августин Аврелий. Исповедь. Абея́р П. История моих бедствий. М.: Республика, 1992. 336 с.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское библейское общество, 2000. 1376 с.
3. Бурен Ж. Премудрая Элоиза. М.: Аграф, 2004. 240 с.
4. Де Либера А. Средневековое мышление. М.: Праксис, 2004. 368 с.
5. Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в средние века. СПб.: СПбГУ, 2003. 160 с.
6. Перну Р. Элоиза и Абея́р. М.: Молодая гвардия, 2005. 242 с.
7. Фоссье Р. Люди средневековья. М.: Евразия, 2010. 352 с.

Out of woman's mouth: the roll call of ideas in Régine Pernoud's monograph *Héloise et Abélard* and the novel *Tres sage Heloise* by Jeanne Bourin

Dina Z. Aribzhanova

Teacher,

Department of English,

Lomonosov Moscow state university,

119991, 1-52 Leninskie gory st., Moscow, Russian Federation;

e-mail: elsinore@yandex.ru

Abstract

Despite the fact that the story of Abelard and Eloise is a rich material for feminist research, today there is the only book about these characters written by a woman. This is the historical monograph *Héloise et Abélard* (1970) by the French writer Régine Pernoud. For the first time she made an attempt at a comprehensive analysis of the personality of Eloise, whereas for male authors, the focus usually and primarily concentrates on Abelard. In the context of the mythologization of the images of Abelard and Eloise, as well as the gender aspect of Middle Ages research, the work of the popular French writer Jeanne Bourin (1922-2003) is interesting. It belongs to a number of historical novels where the female plays the central role. The article, on the material of Régine Pernoud monograph *Héloise et Abélard* and novel *Tres sage Heloise* by Jeanne Bourin, describes the key trends in the interpretation of the personalities of Pierre Abelard and Eloise by female authors. Traditionally, the figure of Eloise is considered only as part of the biography of Abelard. Often, male authors deny the fact of the mutual influence of these historical figures, and Eloise is seen as a purely passive object of influence. Hence the slight interest in motivating her actions, the consistent restoration of the psychological portrait. This is partly due to the "black legend" of the Middle Ages, which denies any significant participation of women in the social and cultural life of the era. Analysis of the ideas presented in the analyzed scientific (Régine Pernoud) and artistic (Jeanne Bourin) texts, allows us to identify the tendency to demythologize the personalities of Eloise and Abelard through attempts to reconstruct them using elements of introspection and historical anthropology. In this process, the cultural environment becomes the determining factor in the formation of characters and moral guidelines. Here the leading role of Eloise is established in the consistent development of their personal relationship with Abelard and the transformation of carnal passion into spiritual passion.

For citation

Aribzhanova D.Z. (2017) Ustami zhenshchiny: pereklichka idei v monografii R. Pernu "Eloiza i Abelyar" i romane Zh. Buren "Premudraya Eloiza" [Out of woman's mouth: the roll call of ideas in Régine Pernoud's monograph *Héloise et Abélard* and the novel *Tres sage Heloise* by Jeanne Bourin]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (1A), pp. 329-339.

Keywords

Eloise, Abelard, personality, reconstruction, demythologization, cultural environment, society, introspection.

References

1. Augustine Aurelius. *Confessiones*. Abelard Peter. *Historia calamitatum* (Russ. ed.: Augustine Aurelius (1992) *Ispoved'*. Abelard Peter. *Istoriya moikh bedstvii*. Moscow: Respublika Publ.).

2. *Bibliya. Knigi svyashchennogo pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta* [The Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testament] (2000). Moscow.
3. Bourin J. (1966) *Tres sage Heloise*. La Table Ronde (Russ. ed.: Bourin J. (2004) *Premudraya Eloiza*. Moscow: Agraf Publ.).
4. De Libera A. (2004) *Srednevekovoe myshlenie* [Medieval thinking]. Moscow: Praksis Publ.).
5. Fossier R. (2007) *Ces gens du Moyen Âge*. Fayard (Russ. ed.: Fossier R. (2010) *Lyudi srednevekov'ya*. Moscow: Evraziya Publ.).
6. Le Goff J. (1993) *Intellectuals in the Middle Ages*. Wiley (Russ. ed.: Le Goff J. (2003) *Intelektualy v srednie veka*. Saint Petersburg).
7. Pernoud R. (1967) *Héloise et Abélard*. Albin Michel (Russ. ed.: Pernoud R. (2005) *Eloiza i Abelyar*. Moscow: Molodaya gvardiya Publ.).